

The background of the cover is a photograph of a vast, arid landscape. In the foreground, there's a dry, dusty path leading towards a small, shallow pool of water. The water reflects the jagged, light-colored mountains in the background. The mountains have a unique, almost sculptural appearance with many sharp peaks and ridges. The sky is a deep blue with scattered white clouds. A large, bright white sphere, resembling a full moon or a planet, is positioned in the upper center of the sky, partially obscured by the clouds. The title text is overlaid on the upper half of the image.

РОМАН СЕНЧИН ТУВА

Роман Сенчин

Тува

«Автор»

2012

Сенчин Р. В.

Тува / Р. В. Сенчин — «Автор», 2012

ISBN 978-5-91103-107-7

Моя жизнь все сильнее завязывается на Москву. И все сильнее тянет к себе Тува. Иногда, выпив вечером, повспоминав, послушав записи «Ят-Хи» или «Хуун-Хуур-Ту», я прихожу к мысли, что ведь запросто могу уехать. Заявить, что мне нужен творческий отпуск, собрать сумку, поцеловать жену и дочек, пообещать стабильно высылать деньги и сесть в поезд Москва – Абакан. Забраться на верхнюю полку плацкартного вагона. Трое суток в пути копить силы, потом – дня два провести у родителей и – в Туву.

ISBN 978-5-91103-107-7

© Сенчин Р. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	5
За Саяны	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Роман Сенчин

Тува

Очерк

Предисловие

Шестнадцатый год я живу в Москве. Наш дом не имеет двора: выходишь из подъезда и сразу попадаешь в суету города – буквально в нескольких шагах шумный проспект Андропова, магазинчики и киоски, станция метро. Каждую секунду нужно быть начеку, чтобы с кем-нибудь не столкнуться, не попасть под разворачивающуюся на узком пяточке перед мини-маркетом машину.

От того, чтобы не захлебнуться в городской круговерти, спасает близость Коломенского парка. Нельзя сказать, что я часто там бываю – то времени не хватает, то энергии дойти, погулять. Но когда выбираюсь, стремлюсь в овраг, разделяющий территории двух находившихся здесь когда-то сел – Коломенского и Дьяково. На дне оврага бежит ручей, из труб льется ледяная вода. Рядом с трубами поваленные столбики с табличками, предупреждающими, что пить эту воду опасно. Но люди набирают ее в бутылки, бидоны, канистры. Утверждают, что она целебная, чуть ли не чудодейственная. Частенько можно встретить омывающихся ею.

Есть в овраге два камня. По преданию, это голова и внутренности коня Георгия Победоносца. Если верить коломенским старожилам, часто дежурящим в овраге, бой Георгия со змеем произошел именно здесь, и змей, уже пронзенный копьем, сумел хвостом разрезать коня на куски. И вот эти куски окаменели, два из них частично выступают из земли.

На камень, действительно очень похожий на клубок кишок, садятся страдающие бесплодием женщины. Считается, что он помогает зачать ребенка. Деревца и кусты вокруг камня пестры от тряпичных ленточек. Эти красные, голубые, белые кусочки ткани напоминают мне тувинскую чаламу. В Туве тоже есть традиция украшать деревья и кусты вблизи священных мест цветными ленточками.

Это, говорят, языческая традиция, противная христианству, но я, если есть возможность, тоже привязываю на ветку или прут ленточку. И вспоминаю Туву – землю, где родился и жил до двадцати двух лет.

В последнее время вспоминаю все чаще. Даже тоскую. То ли серьезно устал от Москвы, то ли тянет к себе малая родина. (Многих, как я знаю, родившихся в Туве или хотя бы раз там побывавших, она к себе тянет.) И будто тяжелые, вымывающие силы волны, накатывают воспоминания. Тогда я послушно ложусь на диван и вспоминаю, гуляя в воображении по улицам Кызыла, столицы Тувы, сижу на берегу Енисея, бегаю по степи, готовлю удочку для рыбалки, собираю то черемуху, то конские яблоки для удобрения нашей дачки; смотрю «Сыщика» в напоминающем сарай кинотеатре «Пионер»...

Много с чем связна для меня Тува, но память удерживает не все, и этот край, по которому вроде бы изрядно поездил, который неплохо узнал, постепенно затуманивается, заслоняется другими впечатлениями, событиями, а в основном же – хламом мелких проблем, потопом никчемных, но необходимых дел. И визиты на родину на пять, семь, десять дней раз в несколько лет не делают Туву реальней, не способны разогнать туман. Ведь наложились на нее Питер, армейская служба в Карелии, Минусинск и село Восточное под Минусинском, Абакан, тринадцать лет в Москве, Берлин, Париж, Франкфурт, десятка два городов в России...

Но Тува то и дело всплывает в разговорах с женой (мы познакомились в Москве, но она тоже из Кызыла родом), в памяти. Воображение рисует картинки то ли действительно бывшего, то ли придуманного, невольно нафантазированного мной.

И, чтобы попытаться отделить реальное от придуманного, я решил записать некоторые свои личные воспоминания, факты, вычитанные в книгах о Туве. Может быть, пригодится мне самому или окажется полезно тем, кто интересуется этим уголком на юге Сибири... Этот уголок – моя родина, от которой я отделен четырьмя тысячами километров, делами, обязанностями, так называемой ежедневной жизнью, которая держит крепче стальных клещей. А то ли мозгу, то ли душе не прикажешь – что-то там крутит и крутит некую пленку с неясными кадрами и требует навести резкость, замедлить скорость, нажать кое-где стоп-кадр и разглядеть детали.

По вечерам после работы и в выходные, отложив начатые повести о московских буднях московских людей, я сижу на кухне спиной к плите за маленьким письменным столом (подобие кабинета). На час-другой, а то и на день погружаюсь в свое детство, юность, в историю, которую когда-то отбросил, желая жить настоящим. Но без прошлого оказалось тяжело и пустовато – необходимо иногда оглядываться.

За Саяны

Въезжаешь в Туву по Усинскому тракту, и создается впечатление, что как раз после пересечения вполне условной границы между Тувой и Красноярским краем наступает настоящая Азия, и больше не будет тайги и вообще деревьев – почти сразу за стелой «Республика Тыва» начинается голая, до горизонта, степь. Лишь холмы, а может, огромные курганы разнообразят пейзаж, да вереницы до сих пор деревянных телеграфных столбов.

Степь открывается задолго до того, как в нее попадаешь. Автобусы, грузовики, легковушки долго спускаются с перевала Нолевка, петляя по крутым склонам, огибая ущелья, и то и дело далеко внизу, но и словно бы уходя в небо, из-за торчащих по обочинам дороги хилых лиственниц появляется вечно желтоватая, в дрожащем мареве, степь. Зимой марево морозное, густое, летом раскаленное, как масло, весной парное, живительное, осенью – липкое... Видимо, какие-то потоки сталкиваются в этом месте, и потому воздух всегда подвижный.

Глядя в окна медленно сползающего вниз автомобиля, кто-нибудь обязательно выдохнет: «Ну вот и Тува». И даже если прожил в Туве всю жизнь и ездил за Саяны на пару дней, поежишься, будто приближаешься к неведомой, таинственной стране, которая неизвестно как встретит, у которой, по существу, и названия нет. Когда-то, в царское время, называлась она Урянхайским краем, и точного перевода этому слову, «Урянхай», так и не нашли, да и последующим – «Тува», «Тыва» – тоже.

Сложно сказать, к какой этнической группе относятся коренные жители – тувинцы. По языку вроде бы тюрки, а письменность имели старомонгольскую (в 1930 году была введена письменность, созданная советскими учеными на основе латиницы; в 1941 году латиницу сменила кириллица), по внешнему виду похожи на бурят и монголов, но есть среди них и те, кто напоминает финно-угров. Не исключено, что эти последние – потомки того огромного, полумифического народа, что населял в древней древности всю Сибирь, – чуди.

Старые названия тувинцев – «урянхи» («урянхайцы») и особенно «сойоты» – считаются оскорбительными. В сознании большинства людей это синонимы, но вот цитата из статьи «Сойоты» дореволюционного издания Словаря Брокгауза и Ефрона: «Имя С. присвоено главным образом двум племенам – сойотам и урянхам, или урянхайцам, к югу и зап. от которых живут более малочисленные племена – дархатов и сойонов. Присвоение названным племенам общей клички “С”, вероятно, явилось следствием того, что в некоторых местностях отдельные племена или колена сойотов и урянхайцев живут смешанно между собой. С. представляют, по видимому, помесь финской расы с тюркской и говорят частью на наречии, близко подходящем к наречию самоедов, частью по-монгольски; их насчитывается приблизительно 8000 душ. Более многочисленно племя урянхов, считаясь принадлежащим к тюркской расе, говорит преимущественно на тюркском наречии».

Вообще, тувинский народ – это потомки нескольких десятков племен: хертек, иргит, кужугет, ондар, салчак, дархат, оюн и т. д. (теперь это распространенные в Туве имена и фамилии), пришедших в центр Саян с разных сторон... И земля эта, окруженная хребтами гор, тоже неизвестно чья исторически. В древности совершались в нее походы, объявлялась она владением то хунну, то уйгуров, то кыргызов, то татаро-монголов, то китайцев, то русских, но владение ею было скорее обременительно, чем выгодно, и на многих картах территория нынешней Тувы закрашивалась серым цветом – цветом ничейности...

Тувинцы – один из немногих народов Сибири, который не был обращен в православную веру в XVII–XX веках. Традиционной верой считается шаманизм; в XVII веке утвердился ламаизм, и на протяжении более чем трех веков обе религии прекрасно уживались на одной земле, дополняя друг друга. Русские переселенцы – и православные, и древлеправославные (староверы) – тоже не испытывали притеснений из-за своей веры. Но в эпоху социализма шама-

низм и ламаизм были практически уничтожены (староверы уцелели, и православные имели свою церквушку на окраине Кызыла). И если в 70-80-е годы прошлого века ходили слухи, что в отдаленных районах есть шаманы, а в степи встречались оваа (ритуальные насыпи из камней), то ламаизм, казалось, совершенно стерся из народной памяти. Я был поражен, когда, придя в один из сентябрьских дней 1992 года на центральную площадь Кызыла, где должен был появиться Далай-лама XIV, увидел в многотысячной толпе, как мне представлялось, таких же любопытствующих, как и я, сотни обритых наголо юношей в буддийских нарядах. С той поры ламаизм стал возрождаться в Тове очень бурно. По крайней мере внешне...

С 70-х годов позапрошлого века, вслед за казаками, совершавшими за Саяны короткие разведывательные походы, и купцами сюда стали просачиваться староверы. Были они разных толков и согласий, шли из Тверской, Нижегородской, Пермской, Омской губерний, с Алтая, и все с одной целью: подальше спрятаться от государства, зажить свободно, ни от кого не завися. Чтобы поддержать себя во время многомесячных тяжелейших, почти тайных путешествий, староверы рассказывали друг другу о Беловодье, что лежит за Китаем, в океане на семидесяти островах. Живет в Беловодье свой, древлеправославный патриарх, в церквах красоты необыкновенной служат свои священники... Мало кто добрался за Китай, Беловодья там не нашли, но и в Индонезии, и на Филиппинах до сих пор есть пусть крошечные, но все же общины староверов. А вот в Тове староверы сильны и многочисленны до сих пор. Целые поселки сохранились.

И когда спускаешься с перевала Нолевка и видишь впереди и внизу колышущуюся в мареве бесконечную степь, представляешь, какими глазами смотрели первые переселенцы туда, в эту даль. Тогда не было асфальтовой ленточки, не тянулись ряды телеграфных столбов, а за степью не стоял город Кызыл с гостиницами и магазинами, через быстрый Енисей еще не перекинули мост. А были тогда неизвестность и надежда на свободу...

Сейчас от поселка Шивилиг, что находится на границе Тувы и Красноярского края, на кромке тайги и степи, до Кызыла легковая машина долетает за час с небольшим. Дорога по-своему, на любителя, живописна. Сначала – степь, холмистая, почти голая, лишь в низинках, где когда-то, наверное, текли речки, – крошечные тополевыи роицы; на горизонте – цепи разноцветных, как на картинах Рериха, гор... Когда-то, лет двадцать назад, степь пахали, засевали пшеницей, овсом, которые, правда, не вызревали, шли на корм скоту; бывало, засевали подсолнухами, и в июле степь была очень красива от желтых огромных цветов. Теперь же – ковыль, колючки, перекати-поле...

Постепенно с северо-восточной стороны к дороге подступают Саяны, и вместе с ними возвращается тайга. Здесь находятся два села – Туран (правда, формально он город) и Уюк. Основали их русские переселенцы в конце XIX века, но теперь живут по большей части тувинцы. Дома скучноватые, беленые, огороды бедные, и трудно поверить цифрам, судя по которым население было богатое, земли давали тысячи пудов зерна, в степи паслись огромные стада быков. Сегодня Туран с Уюком захудалые населенные пункты. Но все равно они радуют глаз, как радуют в пустыне усталого путника несколько пальм...

Правда, не всегда, кажется, эта степь была пустыней. Летом 2000 года я случайно оказался в Туране как раз в тот момент, когда питерские археологи начали раскапывать неподалеку курган, позже получивший название Аржаан-2. Обнаружили осколок, видимо, огромной плиты с рисунками, неизвестными письменами. Гадали, откуда этот осколок попал сюда или, может быть, это след местной, почти бесследно исчезнувшей цивилизации?..

На следующий год археологи раскопали могилу, в которой лежали скелеты мужчины и женщины, усеянные золотыми изделиями (в общей сложности около двадцати килограммов). Время захоронения датировано VII веком до нашей эры, но кто именно был захоронен, к какому народу принадлежали «вождь» и его спутница в загробный мир – неизвестно.

Вообще, в степи, вокруг поселочка Аржаан (с тувинского – «родник»), что километрах в тридцати от Турана, находится целое кладбище скифского времени (термин «скифское время»

многие считают более чем условным) – некоторые курганы достигают ста метров в диаметре и двадцати метров в высоту. Раскопки этих курганов (правда, редкие) приносят открытия мирового значения. Но ответить на вопрос, существовали ли в этой степи поселения, где изготавливались золотые украшения, бронзовое оружие, тонкой работы статуэтки, высекались на каменных плитах замысловатые рисунки и писались нерасшифрованные тексты, или же все это откуда-то привозилось специально для похорон царей и вождей в этих безлюдных, непригодных для жизни местах (и откуда привозилось? где в то время могли делать столь искусные украшения, оружие?), ученые пока не могут. Главный аргумент в защиту того, что жить здесь нельзя – отсутствие пресной воды. Даже в артезианских скважинах вода соленая (нынче для небольшого населения Аржаана ее привозят), но не так давно обнаружили колодец, где, видимо, брали воду пресную... (Символично, что одно из сел в этой степи называется «Суш», хотя вряд ли оно названо в честь суши, царящей здесь.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.